

УДК 1(091): 930.1

ПРОСВЕЩЕНИЕ И КОНТРОПРОСВЕЩЕНИЕ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И. БЕРЛИНА

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.2.182

Рассматривается подход Берлина к Просвещению и Контрпросвещению. Отмечается, что, хотя Берлин прославлял интеллектуальную честность Просвещения и смелость их кампаний против несправедливости и невежества, он также являлся и его критиком. В центре интеллектуальной мысли Берлина стояло Контрпросвещение, выразившееся в убежденности, что модели культуры, созданные людьми, должны быть объяснены иначе, нежели научными методами познания природы. Именно в границах Контрпросвещения зарождается плюрализм, стоящий в центре мысли Берлина. Особое внимание уделяется Берлинской трактовке философии Дж. Вико.

Ключевые слова: интеллектуальная история, плюрализм, Просвещение, Контрпросвещение.

Научная деятельность Исаяи Берлина – английского философа, историка идей – заключалась в изучении всего разнообразия представлений о взглядах на жизнь, воплощающих различные и подчас несовместимые ценности и цели. На ранних этапах творчества он находился под сильным влиянием аналитической эмпирической британской традиции. Но, в отличие от своих оксфордских коллег-философов, Берлин с самого начала проявлял безграничный интерес к всему разнообразию человеческой жизни: к истории, литературе, искусству, политике, общественной жизни. Берлин являлся носителем оксфордской традиции интерпретации текста, отличной от контекстуалистской традиции Кембриджа [14]. Им двигало почти фаустовское желание воочию увидеть разнообразие человеческого существования. Именно подобная страсть к знанию ради самого знания, к поиску истины во всех ее проявлениях была главным мотивом его отказа от чистой философии в 1950-х годах и обращения к области истории идей [11, р. 35].

Интеллектуальная история Берлина сосредотачивается вокруг величайшей революции в концепциях и категориях со времен Возрождения и Реформации: бунте против монизма во всех областях человеческой мысли и деятельности. Общим для монистических представлений является платоновский идеал: 1) на все подлинные вопросы возможно дать один истинный ответ, а все остальные обязательно ошибочны; 2) существует единственный надежный путь к обнаружению подобных истинных ответов; 3) все истинные ответы обязательно должны быть совместимы друг с другом и составлять единое целое, ибо ни одна истина не может быть несовместима с другой [5]. В то же время человек пока не может достичь состояния совершенного знания по ряду причин. Подобные воззрения находились в центре этической мысли от греков до христианских провидцев Средневековья, от эпохи Возрождения до мысли Просвещения, которая привлекала особое внимание Берлина [10, р. 7].

Несмотря на очевидные монистические подтексты, эпоха Просвещения сыграла «исключительную роль в борьбе с мракобесием, гнетом, несправедливостью и безрассудством» [6, р. 70]. Берлин всячески прославлял интеллектуальную честность

© Потамская В.П., 2022

Просвещения и смелость их кампаний против несправедливости и невежества, характеризуя себя как либерала-рационалиста, приверженного либеральным ценностям Вольтера, Гельвеция, Кондорсе и просветительской мысли в целом, выступающей против жестокости, угнетения и предрассудков [16]: «умственная сила, честность, ясность, мужество и бескорыстная любовь к истине наиболее одаренных мыслителей XVIII века остаются до сих пор непревзойденными. Их эпоха – один из лучших эпизодов в жизни человечества» [11]. По мнению Р. Уорлера, Берлин сам был философом просвещенного склада, чья жизнь и творчество отражали дух Просвещения [16].

Но, несмотря на подобную оценку, Берлин являлся и критиком Просвещения, которое казалось ему упрощенным, рационалистским, универсалистским, откровенно оптимистичным [7, р. 43]. Центральной идеей французских просветителей было убеждение, что существует человеческая природа, такая же неизменная, как Вселенная Ньютона, управляемая определенными законами [6, р. 70]. Мыслители рассуждали о человеке как создании природы, чьи основные качества могли бы быть проанализированы с помощью рациональных методов исследования: «одни подчеркивали, что цивилизация обусловила развитие этого естественного человека, иные – что она повредила ему, но и те, и другие сходились в том, что всякое движение вперед – в области нравственности, политики, ума и общественных отношений – зависит от удовлетворения его потребностей» [9, р. 99]. В целом, просвещенческая программа, по мнению Берлина, основывалась на убеждении, что только научные знания, разум могут спасти человека: необходимо научно обнаружить, что представляет собой человек, что нужно для его роста и развития, и затем, удовлетворив потребности людей, достигнуть таким образом если не полного совершенства, то гораздо более счастливого и рационального порядка вещей [7, р. 34].

Берлин ассоциировал Просвещение с мыслью французских философов XVIII в., создавая в большой степени монолитное образование, что является достаточно дискуссионным. Например, М. Лилла ставил под сомнение обсуждение Просвещения как единого проекта вследствие антиномий, возникающих при попытке объединения ряда убеждений [12]. Первая антиномия касается отношения между разумом и моралью. Наряду с тезисами, согласно которым в основе проекта Просвещения лежит новая форма разума, разрывающая оковы естественных человеческих чувств и превращающая людей в машины, существует утверждение, что Просвещение стремилось сузить горизонт разума, давая свободу воле. Вторая антиномия касается отношений между разумом и сакральным. Тезис о том, что, рационализируя мир, Просвещение одновременно лишило его подлинного человеческого опыта религии, противоречит убеждению, согласно которому Просвещение само является секуляризованной формой религии, сакрализующей человеческое творчество в политике и искусстве. Третья антиномия касается отношений между разумом и политической властью. С убеждением о том, что Просвещение стремилось деполитизировать социальные отношения, увлекая людей преимуществами частной жизни, существовало представление, что Просвещение было движением, политизировавшим каждый аспект человеческого взаимодействия, порождая новые формы нетерпимости, утопизма и абсолютизма [12, р. 4–5].

Тем не менее, Берлин сводит интеллектуальное содержание всей эпохи Просвещения преимущественно к французскому Просвещению [15]. Однако главная цель Просвещения не была достигнута средствами интеллектуальной мысли данной эпохи, поскольку вера в разум препятствовала его использованию в человеческих делах, отождествляя его с недостижимым идеалом и вызывая, таким образом, иррационализм, проистекающий как разочарование неизбежной несостоятельностью разума. Поэтому огромную значимость для Берлина приобрело Контрпросвещение, возникшее как ответ на доминирование французской мысли и стремящееся преодолеть ее очевидные ограничения [11].

Когда Берлина спросили о происхождении термина «Контрпросвещение», он ответил, что не знает, кто изобрел его, но не отрицал возможности того, что именно он его сформулировал. По мнению ряда исследователей, сам термин появился в кон. XIX в., однако именно Берлин поставил Контрпросвещение в центре своей политической мысли, стремясь продемонстрировать, что модели культуры, созданные людьми, должны быть объяснены иначе, нежели способами, посредством которых человек стремится понять природу. Берлин обращался к европейскому Контрпросвещению для того, чтобы обнаружить истоки либерализма и плюрализма, подходящих, по его мнению, для его собственного времени.

Эссе Берлина о Просвещении и Контрпросвещении находятся между двумя полюсами: монизмом и плюрализмом, философское господство первого заканчивается возникновением второго. Во многом благодаря исследованию мысли контрпросветителей плюрализм стал рассматриваться как главная движущая сила политической философии Берлина.

По мнению Дж. Мали, применение термина «Контрпросвещение» вполне возможно при обсуждении И.Г. Гамана и Ж. де Местра, но отнесение к данному течению Дж. Вико и И. Гердера выглядело сомнительно. С большей вероятностью их можно уподобить представителям контрреформации либо контркультуры, цель которых состоит не в том, чтобы осудить то, чему они противостоят, но, скорее, предложить альтернативные теории и практики. По мнению Ч. Тейлора, Контрпросвещение следует рассматривать как имманентный аспект Просвещения самого по себе, как естественную целостную реакцию на процесс рационального созревания, использующую более архаические источники опыта. Однако наиболее предпочтительной представляется диалектическая, а не антитетическая концепция двух движений, которая позволяет продемонстрировать развитие идей и идеалов и их возможное взаимодействие [13].

Итак, Берлин выстраивал Контрпросвещение на основе критики основных доктрин Просвещения, основываясь на иррациональных, виталистских, релятивистских, органических и историцистских идеях, обнаруживаемых в мысли Дж. Вико, И.Г. Гамана, И. Гердера, Ф.Г. Якоби. Контрпросвещение подразумевает историзированные концепции человеческой природы, противостоящие вечным принципам естественного права, например, представления *verum ipsum factum* Вико, концепции *Einführung* Гердера, эмпатии, новом виде понимания *Verstehen* [16].

Можно выделить ряд особенностей в подходе Берлина к Контрпросвещению. Во-первых, он ограничивает обсуждение набором великих мыслителей, что, безусловно, вполне возможно, но не позволяет воссоздать исторический контекст, в котором будут противостоять Просвещение и Контрпросвещение. Во-вторых, Берлин связывает обсуждение Контрпросвещения с немецкими землями, хотя его подход дает возможность обсуждения других мыслителей (например, Вико). В-третьих, подход Берлина потенциально расширяет Контрпросвещение за пределы хронологических границ, поскольку становится возможным обнаружить его принципы в более ранние времена, например, в работах Макиавелли.

Можно выделить пять основных способов, посредством которых контрпросветительские идеи, во многом противоположные просветительским, изменили основы западной цивилизации. Во-первых, контрпросветители, начиная с Вико и Гердера, подорвали рационалистическую веру в единую систему вечных норм, обязательных для всех людей во все времена. Вико и Гердер присоединялись к той или иной форме объективного ценностного плюрализма, в то время как представители немецкого романтизма тяготели к субъективизму и релятивизму. Во-вторых, деятели Контрпросвещения выступали против утопических воззрений, убежденности в том, что где-то существует статичный и единый паттерн, применяемый ко всему человечеству. В-третьих,

представления Берлина о свободе основывались в первую очередь на работах контрпросветителей, несмотря на его очевидные отсылки к Б. Констану, А.И. Герцену и Дж.С. Миллю. Подчеркивая неизбежность столкновений и трагичность выбора как неустранимой черты человеческого существования, Берлин проводил дифференциацию позитивной и негативной свободы, обращая внимание на преимущества второй. В-четвертых, Гердер и последовавшие за ним романтики открыли новую историческую категорию – чувство принадлежности, в первую очередь, – принадлежности к нации. Следует отметить, что подход Берлина к познанию человека основывается именно на контрпросветительской мысли. Одним из наиболее важных результатов его исследований является понимание того, что бездумное навязывание человеку абстрактных схем являлось одновременно и величайшим камнем преткновения для человеческого самопонимания и одним из величайших источников человеческих страданий [11, р. 45–46].

Одним из деятелей Контрпросвещения, оказавшим наибольшее влияние на Берлина, является неаполитанский философ Вико. Берлин ставил его в один ряд с такими мыслителями как Гаман и Сорель, объединяя их вследствие противостояния господствующим монистическим традициям в западной цивилизации, часто называл его создателем или предшественником всевозможных более поздних теорий [13]. Вместе с тем сомнения ряда исследователей вызывала терминология, используемая Берлином в процессе обсуждения Вико. Вико, по-видимому, не является изобретателем либеральных терминов культурной эквивалентности в Новой науке. Даже если возможно говорить о том, что плюралистическая концепция Вико раскрывалась в культурных исследованиях, главный пример, который Берлин приводил в качестве доказательств (признание несовместимых и несоизмеримых ценностей), едва ли подтверждается аргументацией, что интерпретация гомеровской поэзии как примитивной и жестокой намекает на подлинно плюралистическую концепцию [13, р. 72].

Подход Берлина к философии Вико был достаточно дискуссионным. Сам Берлин часто упоминал, что Вико на страницах многочисленных исследовательских трудов предстает как предшественник фашизма, протомарксист, католический апологет, прагматик, экзистенциалист, поскольку его толкования чрезвычайно многообразны. П. Гардинер и Х. Уайт поддерживали позицию Берлина, но другие философы и историки идей находили серьезные ошибки в его аргументации. Так, для А. Скаутена и Г. Арслейфа очевидно незнание Берлином антропологической лингвистики XVII–XVIII вв., в свете которой Вико должен был быть изображен скорее как последователь философии Просвещения, чем ее критик. Мали указывал, что Вико являлся, скорее, мыслителем Просвещения, о чем свидетельствуют попытки открыть общий словарь для придания значения всем различным языкам или стремление вывести универсальные законы психологического и исторического развития всех людей [13]. А. Момильяно указывал на погруженность Вико в ценности христианской и классической культуры [16, р. 26]. Вико также оценивался как мыслитель, замыкавший более раннюю эпоху Возрождения, «медленное умирание которой еще продолжалось под жесткой корой метафизики XVII столетия» [3, р. 10]. Подход Берлина к философии Вико также оспаривал Лилла. Он утверждал, что Вико был, по существу, «антимодернистом», старым католическим апологетом, главной целью которого было восстановление догматической теологической и политической идеологии порядка и власти, хотя Берлин сознательно представляет Вико как сторонника плюрализма. Лилла стремился продемонстрировать, что некоторые из самых фундаментальных предположений Берлина о Вико, например, утверждения, что для Вико природа человека не является статичной и неизменной, должны быть пересмотрены, если вспомнить утверждение Вико о том, что существует некоторая основная склонность к истине, которая всегда побуждала всех людей верить в Бога, каким бы разнообразным ни было их вероисповедание. Подобное человеческое стремление к

божественному принимает форму обычного закона, что сообщает известное единство и преемственность всемирной истории [12].

Обращает на себя внимание постоянно встречающаяся берлинская ассоциация Вико с немецкой традицией *Geisteswissenschaft*, попытки представить Вико как создателя новой герменевтической методологии в гуманитарных и социальных науках. По Берлину, именно Вико фактически изобрел понятие понимания, а в его воззрениях впервые прозвучала идея кардинального различия между естественными и гуманитарными науками, позднее развитая И. Гердером, В. Дильтеем, В. Виндельбантом, Г. Зиммелем, Ф. Мейнеке и другими их коллегами [11].

Обратимся к воззрениям Вико. Эпистемологические импликации «исторической науки человека» становятся явными в книге «Основания новой науки об общей природе наций». Вико опровергал картезианскую теорию познания с ее выводом о невозможности никакого иного знания, кроме математического, отрицая также утверждение, что критерием истины является ясность и отчетливость идей [2, с. 63]. Стремясь получить знание исключительно от вещей, которые обязаны своим существованием человеку, Вико рассуждал, что поскольку именно Бог создал естественный мир, только Бог может постичь его. Человек может приобрести знание только от исследования «общественного» мира, поскольку последний являлся продуктом человеческой деятельности в том же смысле, в каком природа являлась созданием Бога. Мир создается людьми, поэтому способ его реализации укоренен в модификациях сознания человека [1, р. 118]. Большое значение для Вико, по словам Берлина, играл принцип *verum ipsum factum*, действующий в том смысле, что, подобно Богу, который один знает свой сотворенный мир, человек может по-настоящему знать только человеческие институты. Вико трансформировал принцип *verum/factum* и придал ему неизмеримо больший размах и глубину, распространяя его на уровень коллективного сознания человечества, особенно на его предрациональный и полусознательный уровень, обращаясь к мечтам, мифам и образам, которые господствовали в мыслях и чувствах человека с самого начала [8]. Тем самым единственным объектом истинного знания является сотворенный людьми мир, а не постулируемый мир высшей реальности.

Для Берлина неоспоримо первенство Вико в утверждении того, что неизменной сущности человеческих существ не существует, равно как и утверждения, что человек может понять только то, что создают люди, а не мир внешней природы. Все человеческие институты и действия, даже самые практические и утилитарные, всегда являются жизненно важными формами самовыражения, вневременные стандарты в искусстве или жизни невозможны, а каждое человеческое проявление должно оцениваться по канонам того места, где и когда оно было создано.

Идея о том, что нации или государства проходят определенные стадии развития, является центральной для философии Вико. При этом история мыслится явлением, как обладающее двойственной природой. С одной стороны, люди сами творят все в истории, в т. ч. и себя самих, а с другой стороны, Вико признавал факт Провидения, организующий деятельность людей незаметно для них самих. Однообразные идеи, зародившиеся у различных народов, не знающих друг о друге, по мнению Вико, имеют общее основание, следовательно, здравый смысл – это критерий, «внушенный нациям Божественным Провидением для определения Достоверного в Естественном Праве Народов» [1, с. 76].

В то же время для Вико каждая из культур или стадий развития не является простым звеном в причинной цепи или условной последовательности, но выступает как фаза в провиденциалистском плане, управляемом божественной причиной [6, р. 75]. Его позиция несовместима с позицией просветителей, веривших в линейный прогресс, поэтому он обращался к античной идее круговорота, постоянного возвращения к одной

и той же исходной точке, формируя циклическую концепцию истории. По мнению Вико, человечество в своем развитии проходит три этапа: Богов, Героев и Людей, по завершении последнего из которых процесс начинается с начала [1, с. 31]. Природа человека также изменяется с течением времени, она была «сначала жестока, потом сурова, затем мягка, после утончена, наконец, распушена» [1, с. 91–92]. Каждой эпохе соответствуют определенные языки, виды правлений, виды гражданской природы и виды юриспруденций.

Вико полагал, что определенные периоды в истории имеют общие черты и повторяются в других периодах, так что два различных периода могут оказаться тождественными по своей природе. Тем самым становится возможным проводить аналогии от одного периода к другому [2, с. 66]. При этом, как отмечал Берлин, каждая культура обладает собственными ценностями, несоизмеримыми с другим обществом, и должна быть понята именно в них: «Гомеровские греки, как говорит нам Вико, были жестокими, варварами, угнетающими слабых; но они создали «Илиаду» и «Одиссею», чего мы не можем сделать в наши более просвещенные дни». Каждому этапу развития свойственно свое видение мира, потому, как только оно изменяется, исчезает и возможность подобного творчества. Нельзя говорить о том, что существует единая лестница восхождения от древности к современности, поэтому ни в искусстве, ни в истории не следует говорить о прогрессе. Вопрос, кто лучше – Софокл или Вергилий, Вергилий или Расин, для Вико является нелогичным, поскольку каждая культура создает свои шедевры, и они безраздельно принадлежат ей одной, а каждая стадия исторического цикла культуры воплощает свои собственные автономные ценности, видение мира, концепцию взаимоотношения людей друг с другом и с силами природы [8, р. 66]. Ценности культур различны, они несоизмеримы и несовместимы: «Вольтер, считавший, что ценности и идеалы исключений в море тьмы – классических Афин, Флоренции эпохи Возрождения, Франции Великого века и его собственного времени – почти идентичны, ошибался» [10, р. 9]. Следовательно, и достижение совершенного, идеального мира, в котором сосуществуют все истинные ответы, невозможно. «Некоторые из Великих Благ не могут сосуществовать. Это концептуальная истина. Мы обречены выбирать, и каждый выбор может повлечь за собой невосполнимую потерю» [10, р. 13].

В интерпретации Берлина именно Вико является родоначальником современного концепта культуры и культурного плюрализма, в соответствии с которым признается, что каждая культура обладает собственным уникальным видением, иерархией ценностей, которые в процессе развития вытесняются другими ценностями, отчасти оставаясь доступными для последующих поколений. В то же время отнесение Вико к плюралистам относительно области знания звучит несколько сомнительно, поскольку для него категории, концепты и методы исследования являются укорененными в культуре, поэтому не являются ни более, ни менее ценными, чем другие. В отличие от релятивистов, Вико не считал, что все люди закованы внутри представлений их собственной эпохи или культуры и неспособны понять другие общества, ценности которых могут широко отличаться от их ценностей. Он был глубоко убежден в следующем: то, что один человек может создать, другой человек может понять [8, р. 60]. Причины это кроются в следующем: слово «человеческий» подразумевает, что у всех представителей данного рода должно быть достаточно много общего, чтобы существовала возможность представить жизнь людей, далеких от нас, которые жили, исполняли обряды, использовали лексику, создавали произведения искусства как естественные способы самовыражения, стремясь постичь и объяснить свой мир. Поскольку все наши предки – люди, им было доступно ровно то же, что и их потомкам, – любовь, ненависть, страх, надежда, желания, верования, сражения, предательство, угнетение, восстание [8, р. 61]. Подобные представления о множественности ценностей ведет к неявно сформулированному выводу

относительно того, что античный идеал, общий для многих культур и особенно для эпохи Просвещения, представления о совершенном обществе, в котором все человеческие цели согласованы, является концептуально непоследовательным.

Большое внимание Берлина привлекает методология Вико. К двум формам познания (априорно-дедуктивному и апостериорно-эмпирическому) он добавлял новое – внутреннее знание, с помощью которого возможно проникнуть в ментальную вселенную других эпох и народов посредством того, что Вико называет *fantasia* или актом реконструктивного воображения [11]. Подобные идеи найдут отражение в более поздней немецкой мысли (представления о *verstehen* (понимание) и *wissen* (знание, аналогичное знанию в естественных науках)) [8, p. 62]. *Fantasia* представляет собой еще один вид знания, поскольку оно не получено из знания «извне», как в естественных науках, и не приобретено в результате обучения. Скорее, это сокровенное знание «изнутри», когда человек не просто в состоянии описать и проанализировать явление, но и понять его генезис, рост, сущность. Берлин интерпретировал *Fantasia* Вико в свете гердеровской *Einfühlung* (эмпатии), объединяя их в эпистемологическое утверждение, что правильное знание прошлого должно принимать форму внутреннего понимания, проникновения в сознание людей с помощью воображения. Можно сказать, что рассуждения Берлина находятся в русле идеалистической традиции Б. Кроче и Р. Коллингвуда, в рамках которой фантазия понимается как форма воображения, направленная на достижение истинного знания «внутреннего» объекта. При этом решительная роль, которую Вико приписывает воображению, никоим образом не отрицает необходимость проведение верификации, обращения к научной дешифровке, установления подлинности документов, датировки памятников древности, выявления степени достоверности свидетельств и источников информации. Но без фантазии прошлое остается мертвым; чтобы его оживить, необходимо слышать людские голоса, представлять, каков был их опыт, их формы выражения, их ценности, мировоззрение, цели, способы жизни [8, p. 65]. Берлин пришел к выводу, что в этой форме познания, основанной на памяти и воображении, Вико преодолел классическое различие между теоретической и технической формами познания и проложил путь интерпретативному социальному знанию, науки психологии, антропологии или социологии.

Ряд исследователей, следующих за Берлином, указывали, что Вико соотносил представления о «Новой науке» с филологией, гуманистическим искусством, которые он стремился обогатить с помощью этимологии, мифологии и понимания [13]. По сути, он создал новую интерпретативную методологию, которую Берлин именуется реконструктивным воображением. Однако некоторые критически настроенные исследователи, например, Л. Помпа и П. Загорин, упрекали Берлина в том, что он приписал Вико герменевтическое и довольно мистическое представление об эмпатической исторической интерпретации. Вико, в соответствии с их прочтением, проповедовал и практиковал новую научную методологию исторической интерпретации, которая была крайне позитивистской, построенной по образцу бэконовско-ньютоновской концепции эмпирического исследования реальности, связанной физическими, а не метафизическими закономерностями [13, p. 64]. Согласно Помпе и его единомышленникам-позитивистам, Вико разработал систематическую аналитическую методологию, аналогичную модели охватывающих законов. Берлин отвергал подобную интерпретацию, хотя он тоже отмечал родство между «Новой наукой» Вико и новыми естественными науками. По его мнению, «Новая наука» сфокусирована именно на человека и познание того, что является человеческим. Вико стремился объяснить, каким образом люди, которые в своем непоколебимом невежестве были явно не способны к рационализму, тем не менее сумели создать мировую цивилизацию благодаря своим мифопоэтическим способностям. Кроме того, «Новую науку» Вико также характеризовали как претендовавшую

на рациональное гражданское богословие провиденциальной истории, поскольку полное название работы подразумевало, что он верил в некий альтернативный, но столь же универсальный закон природы, который диктует циклические движения человека, общества и истории [4, с. 22].

Именно Вико, согласно воззрениям Берлина, являлся автором представления о том, что язык, мифы, древности непосредственно отражают различные способы представления социальных, экономических, духовных проблем или реалий в умах наших предков, и в конечном счете «Новая наука» представляет собой исследование, основанное на строгом анализе человеческих мыслей о человеческих потребностях и особенностях общественной жизни, и, таким образом, становится историей человеческих идей. Подобные утверждения помогли Берлину определить объект его интеллектуальной истории. Им стали не только истории того, о чем думали люди, но и того, что они чувствовали, хотели, выражали в высказываниях, которые не всегда были ясны их современникам и наиболее полно артикулировались только более поздними историками идей.

Итак, хотя Берлин всячески прославлял интеллектуальную честность Просвещения и смелость их кампаний против несправедливости и невежества, характеризую себя как либерала-рационалиста, он в то же время критиковал данный тип мировоззрения и философии за монистические установки. Основные доктрины Просвещения, по Берлину, можно свести к следующим положениям: человеческая природа в основе своей является одинаковой повсеместно, а исторические различия в человеческой культуре и обществе не имеют особого значения; можно говорить о существовании общечеловеческих целей и ценностей, на основе которых, следуя научным методам, установить логически связанную структуру законов и обобщений, которая заменила бы темный хаос невежества, предрассудков, мешающих добродетели, истине и человеческому счастью.

Огромную значимость для Берлина приобрело Контрпросвещение, возникшее как ответ на доминирование французской мысли, стремящееся преодолеть ее очевидные ограничения. Контрпросвещение в лице основных своих деятелей – Вико, Гердера, Гамана – бросило вызов монистическим аристотелевским, христианским и картезианским концепциям истины и противопоставило детерминистским теориям естественного закона все человеческие действия и творения, будь то в истории или в поэзии. Рассуждая о Контрпросвещении, Берлин стремился продемонстрировать, что образцы культуры, всё, что создано человеком, не должно объясняться по аналогии с естественными науками, а в центре контрпросвещенческой мысли стоял плюрализм, прославление разнообразия, множественности и различия. Одним из наиболее значимых деятелей Контрпросвещения являлся Вико, оказавший большое влияние на как политическую философию, так и интеллектуальную историю Берлина. Именно Вико положил начало генеалогическому повороту в исторических науках эпохи Просвещения, бросая вызов основным предположениям эпохи, а именно вере в постоянство человеческой природы. Вико являлся автором представления о том, что язык, мифы, древности непосредственно отражают различные способы представления социальных, экономических, духовных проблем или реалий в умах наших предков. История человечества творится людьми, она состоит не просто из вещей и событий, а представляет собой человеческую деятельность, поэтому ее возможно постичь посредством проникновения в сознание и использования воображения.

Список литературы

1. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.: Ирис, REFL-book, 1994. 637 с.
2. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М.: Наука, 1980. 486 с.
3. Лифшиц М.А. Джамбаттисто Вико // Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.: Ирис, REFL-book, 1994. С. V–XXVII.
4. Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Trel/ (дата обращения 09.10.2021).
5. Потамская В.П. И. Берлин о романтизме как направлении европейской мысли // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2022. № 1 (59). С. 188–199.
6. Berlin I. Alleged Relativism in Eighteenth-Century European thought // *The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. N.-Y.: Vintage, 1992. P. 70–90.
7. Berlin I. Decline of Utopian Ideas in the West // *The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. N.-Y.: Vintage, 1992. P. 20–48.
8. Berlin I. Giambattista Vico and Cultural History // *The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. N.-Y.: Vintage, 1992. P. 49–69.
9. Berlin I. Joseph de Maistre and the origins of Fascism // *The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. N.-Y.: Vintage, 1992. P. 91–174.
10. Berlin I. Pursuit of the Ideal // *The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. N.-Y.: Vintage, 1992. P. 1–19.
11. Hausheer R. Enlightening the Enlightenment // *Isaiah Berlin's Counter-Enlightenment* / ed. by J. Mali, R. Wokler. Philadelphia: American Philosophical Society, 2003. P. 33–50.
12. Lilla M. What is Counter-Enlightenment // *Isaiah Berlin's Counter-Enlightenment* / ed. by J. Mali, R. Wokler. Philadelphia: American Philosophical Society, 2003. P. 1–12.
13. Mali J. Berlin, Vico and the principles of humanity // *Isaiah Berlin's Counter-Enlightenment* / ed. by J. Mali, R. Wokler. Philadelphia: American Philosophical Society, 2003. P. 51–72.
14. Mali J., Wokler R. Editors' Preface // *Isaiah Berlin's Counter-Enlightenment* / ed. by J. Mali, R. Wokler. Philadelphia: American Philosophical Society, 2003. P. I–XI.
15. Robertson J. The Case of Enlightenment: A comparative approach // *Isaiah Berlin's Counter-Enlightenment* / ed. by J. Mali, R. Wokler. Philadelphia: American Philosophical Society, 2003. P. 73–90.
16. Wokler R. Isaiah Berlin's Enlightenment and Counter-Enlightenment // *Isaiah Berlin's Counter-Enlightenment* / ed. by J. Mali, R. Wokler. Philadelphia: American Philosophical Society, 2003. P. 13–32.

ENLIGHTENMENT AND COUNTER-ENLIGHTENMENT IN I. BERLIN'S INTELLECTUAL HISTORY

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article examines I. Berlin's approach to Enlightenment and Counter-Enlightenment. It is noted that although Berlin in every possible way glorified the Enlightenment's intellectual honesty and the courage of their campaigns

against injustice and ignorance, he was a critic of the Enlightenment. Berlin's intellectual thought centered around the Counter-Enlightenment, which was expressed in the conviction that the models of culture created by people must be explained otherwise than by scientific methods of understanding nature. Pluralism, which was at the center of Berlin's thought, was originated within the Counter-Enlightenment. Particular attention is paid to the Berlin's interpretation of G. Vico's philosophy

Keywords: *intellectual history, pluralism, Enlightenment, Counter-Enlightenment.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 3657-9312, e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, Associate Professor of the Department of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver, Russia. Email: potamskaya.v@yandex.ru